

"Принцесса для палача (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Под покровом ночи по древнему каменному городу бежал огромный, неповоротливый мужчина, в лице которого даже при плохом освещении угадывались безобразные черты уродства. Бежал, задыхаясь от усталости и издавая звуки, отдалённо напоминающие хрюканье. Под мышкой он держал небольшой мешок, плотно прижимая его к себе. На плотной серой ткани того мешка багрило влажное пятно крови, след из мелких капель которой тянулся за великаном по безлюдным улочкам. Человека этого звали Кхорн, и сегодня сбылась его заветная мечта: ему, наконец, досталась самая настоящая принцесса. Ну, или по крайней мере, часть тела принцессы...

Матушка всегда говорила Кхорну, что когда-нибудь самая прекрасная принцесса на свете станет его женой.

Ещё в детстве он был необычайно уродлив, толст и неповоротлив. Его маленькие, глубоко посаженные поросычки глазки, скрывавшиеся под выпиравшей надбровной дугой, смотрели на всех со злобой затравленного, одичалого пса. Большой нос, из широких ноздрей которого вечно сочилась полупрозрачная слизь, больше напоминали свиной пяточок, а пухлые, лоснящиеся губы напоминали двух толстых червячков. Однако его матушка, как это свойственно большинству матерей, любила своё дитя, несмотря ни на что.

«Пусть порадуется», — думала она. — «И не важно, что таким, как он, не видать не то принцесс, но и большинства порядочных шлюх. Воистину, такое лицо сможет полюбить только мать...».

А вот Кхорн не понял, что слова матушки были полны сладкой лжи. Он ей верил и с малых лет считал, что настанет день, когда Боги подарят ему шанс завладеть прекраснейшей принцессой — нужно только его не упустить. После смерти матери эта несбыточная мечта стала для него единственной отрадой.

Когда пухлый юнец подрос, и о его уродстве, сравнимом только с его жестокостью, прознали все в Великой Столице, на него обратила внимание высшая знать. К счастью для Кхорна в ту пору страной правил Безумный Король, которому как раз не хватало «одарённых» слуг. Кхорн быстро завоевал любовь Короля своей непомерной жадностью крови и насилия, и к двадцати годам он стал главным палачом при дворе.

А сегодня, сегодня его труды во благо Короны были вознаграждены в полной мере. Король отправил к нему на плаху принцессу из дальних земель. Она была обещана Его Высочеству в жёны, однако в первую их брачную ночь выяснилось, что она давно рассталась с невинностью, вопреки её юному возрасту.

Увидев ту деву, что силком волокли к небольшой деревянной сценке, на которой проводились казни, Кхорн был обворожён её красотой, а когда он узнал, что она принцесса, его влечение к ней возросло стократно. Он понял, что это и был тот самый шанс, ниспосланный Богами.

К её казни он подошёл со всем тем профессионализмом, на какой только мог быть способен палач. Над её тонкой шейкой он занёс свой лучший топор и перерубил её одним ударом, оставив аккуратный, ровный надрез. Обезглавленное тело принцессы, облачённое в полупрозрачные одеяния, забилось в безумном судорожном танце, окропляя кровью деревянные дощечки сцены, а её прелестная головка чертыхнулась и покатила к ногам палача. Она уткнулась виском в носок его кожаного сапога, и её безжизненные глаза устали на Кхорна пронизывающим насквозь мёртвым взглядом, заставившим его сердце

затрепетать в груди. Сколько холодной, завораживающей и манящей красоты было в этой отрубленной голове. Едва взглянув на неё, можно было понять, что она принадлежала особе благородных кровей. Что она принадлежала принцессе... Кхорн знал наверняка, что ему нужно было делать дальше.

Вскоре после казни он пришёл к своему Королю, смиренно прося его лишь об одной награде за годы верной службы. Просьба его была весьма и весьма странной.

— Голова? На что тебе её голова? — удивлённо вопрошал Безумный Король, но, увидев, как его слуга смущенно переминается с ноги на ногу, он снисходительно улыбнулся. — А, впрочем, неважно. Забирай, дарю.

И вот, дождавшись темноты, когда большинство горожан разошлось по домам, Кхорн с осторожностью и трепетом спрятал королевский подарок в мешок и со всех ног помчался домой, так, что земля, казалось, задрожала у него под ногами.

Вбежав в свою скромную обитель, палач захлопнул за собой дверь и запер её на засов. Тяжело дыша и обливаясь потом он незамедлительно принялся за дело. Сперва Кхорн аккуратно выудил девичью головушку из мешка и, держась за шёлковистые, серебристые, местами слипшиеся от крови волосы, поднёс её к своему лицу. Её потухшие очи были похожи на два изумруда. Кожа была цвета молочного шоколада, черты лица безукоризненны и прекрасны, а пухленькие, слегка побледневшие губки вызывающе приоткрыты. Тело принцессы, которое Король велел отдать на съедение охотничьим псам, не обладало какими-то выдающимися чертами. Оно могло принадлежать кому угодно, от простой крестьянки до дамы благородных кровей, но голова... Едва взглянув на неё, можно было понять, что это голова принцессы. По крайней мере, так Кхорну казалось. А большего ему было и не надо.

Дрожа, он обхватил личико девушки обеими руками и припал к манящим его холодным губкам. Поначалу в его действиях была робость, ведь он старался быть нежным со своей принцессой, но в скором времени его похоть начала брать верх над рассудком. В конце концов, этой ночи он ждал всю свою жизнь. Протолкнув свой язык в её ротик, он ощутил металлический привкус вязкой смеси слюны и крови, но это никоим образом не остудило его пыл, а даже наоборот. Он будто ждал, когда же принцесса ответит на его грубую ласку.

А плоть в его широких штанах тем временем твердела и разбухала от возбуждения, которое вскоре стало просто невыносимым. Не отрываясь от губ принцессы, одной рукой он начал отчаянно бороться с ремнём, который как назло никак не поддавался. Наконец, разделавшись с ним, Кхорн приспустил штаны и достал своё достоинство внушительных размеров. Несколько секунд он колебался, пристально вглядываясь в холодные изумрудные глаза, а затем всё же решился и поднёс отрубленную голову к своему члену.

Нежная розовая головка, выглядывавшая из-под немытой крайней плоти, упёрлась во влажные и тёплые от слюны палача губки девы. Кхорн сделал усилие, пропихивая налитую кровью плоть в её неохотно открывающийся ему навстречу ротик. Внутри его ждала смесь тепла и могильного холодка, слюна и кровь, становящаяся всё более вязкой с каждой секундой с момента смерти принцессы, и необычайная тугость. Ему не удавалось проникнуть достаточно глубоко, ибо горло девы плотно замкнулось и никак не хотело раскрываться и впускать его член внутрь. Палач сделал несколько мощных толчков, но тут же тихо вскрикнул от боли — маленькие, аккуратные зубки принцессы оцарапали кожу его ствола. Челюсти головы, отделённой от тела, были крайне малоподвижными и, казалось, так и норовили захлопнуться, оттяпав его достоинство.

Кхорн нехотя вынул член изо рта девы, от губок которой к его разгорячённой плоти теперь тянулись тягучие алые ниточки, и жалобно захныкал, словно дитя, не зная, что ему теперь делать. Как же добиться столь желанной близости с принцессой?.. И тут его посетила восхитительная идея, от которой Кхорн облизнул свои толстые губы.

Он вновь поднёс девичью головушку к вздрагивающему от предвкушения органу, но на сей раз опустил её чуть пониже и раздвинул веки её правого глаза большими пальцами. Секунда, другая, и он ощутил холодное прикосновение глазного яблока к самой чувствительной части своего тела. Постепенно усиливая напор, Кхорн чувствовал, как глаз слабо сопротивляется ему. Палач воображал, будто он сейчас сбивает принцессе плеву, навеки делая её своей. Когда же «плева» порвалась, и он проскользнул внутрь её скользкого, кровоточащего «лона», здоровяк восторженно заурчал. Победа! Да, конечно, один из «изумрудов» принцессы он испортил, но ведь она всецело принадлежала лишь ему одному, так что едва ли она будет спорить!

Не в силах больше сдерживаться, Кхорн задвигался, не медля ни секунды. Своими большими ладонями он надавил на затылок принцессы, впиваясь ногтями в хладную кожу и с каждым толчком вколачиваясь всё глубже в её глазницу. Тёмно-красная, густая жидкость потекла по его стволу и яичкам, ударявшимся о лицо девы, а с них она тяжёлыми каплями падала на пол. Левый глаз принцессы от такой встряски закатился и будто смотрел теперь на мучителя снизу вверх, а её язычок вывалился наружу, но палач не замечал этого. Ни на секунду он не задумывался над тем, насколько же ужасно со стороны выглядит совершаемое им надругательство.

Кхорн был просто на седьмом небе от счастья. Он пыхтел и сдавленно рычал, по множеству его подбородков тонкой струйкой стекала слюна, в маленьких глазках полыхало безумное наслаждение. По мере того, как он приближался к пику блаженства, движения его становились всё более дикими и необузданными. Наконец, он издал протяжный блаженный стон и изо всех сил вжался в приятное, сырое нутро развороченной глазницы. Ноги его задрожали и он изверг своё семя. Тугие струи бледно-жёлтой жидкости ворвались внутрь девичьего черепа, омывая его изнутри.

Сделав ещё несколько резких фрикций, палач рывком вынул окровавленный, уже начавший терять свою твёрдость орган из глазницы. Довольно улыбаясь, он взглянул на перекошенное личико принцессы: казалось, что это слёзы льются из её правого глаза. Алые слёзы, вперемешку с жёлтоватым мужским семенем. Ну, ничего. Кхорн слышал, что всем женщинам больно в их первую ночь, проведённую вместе с мужчиной. Как известно, любовь требует жертв.

Не выпуская голову девы из рук, палач, совершенно выбившийся из сил, рухнул на постель. Не замечая уже начавшего исходить от неё зловония, он прижал её к своей груди и прикрыл глаза. Кхорн заснул, тихо напевая мелодию колыбельной, которую он в детстве слышал от своей дорогой матушки.

Всё-таки она не лгала ему. Кхорну и вправду судьбой была обещана принцесса. Пусть и не вся целиком...